

Юнь Цюцзэ лишь спустя некоторое время поднялся со стула и направился к выходу из чайной. У самого порога он обернулся и бросил:

— Что за глупости ты мелешь? Брак — это могила любви, а в моем случае... ха, у меня даже любви-то нет, так что до бесславного конца еще далеко. Перестань попусту волноваться.

Любовь рождает брак, брак рождает могилу, а у него нет ничего. Даже если бы он захотел умереть, никто не оказал бы ему любезность, не приставил бы пистолет к виску, чтобы покончить с этим разом. Так зачем беспокоиться о том, чего у него попросту быть не может? Не на пустом ли месте он создает себе проблемы?

Однако спокойная жизнь продлилась недолго. Вскоре случилось происшествие: во время перемены, играя с другими детьми, Бо Цин получил травму — кто-то из ребят случайно полоснул его по веку линейкой. Кровь хлынула ручьем. Когда Юнь Цюцзэ примчался на место, он чуть не лишился чувств от страха, решив, что мальчик ослеп.

В больнице после осмотра выяснилось, что это лишь поверхностная рана. Глаз не пострадал, был лишь сильный ушиб. Врачи сказали, что через неделю все заживет, главное — следить, чтобы не было инфекции и вода не попадала в рану.

Бо Цин, не осознавая, что был на волосок от слепоты, немного поплакал, а получив от Юнь Цюцзэ леденец с османтусом, тут же пришел в восторг. Бай Сун, примчавшись в больницу, ожидал увидеть нечто ужасное, но, застав Бо Цина с набитыми щеками и пластырем на глазу, который увлеченно донимал Юнь Цюцзэ, не нашелся что и сказать.

Как только Бо Цин увидел отца, он тут же забыл, что перестал плакать. С громким воплем он бросился в объятия Бай Суна, задирая голову, чтобы показать, как сильно болит рана и как ему плохо.

— Ох ты, мой маленький предок, дай-ка я посмотрю, — Бай Сун, как любящий отец, конечно, был вне себя от беспокойства. Он присел на корточки и долго вглядывался в повязку, словно хотел видеть сквозь нее.

Юнь Цюцзэ подошел ближе и объяснил ситуацию:

— Дети играли на перемене и случайно поранились. Я уже спрашивал врача, ничего страшного, на зрение это не повлияет. Нужно только следить, чтобы он не чесал рану, не мочил ее и вовремя обрабатывал. Прошу прощения, такая ситуация вышла, я сам места себе не нахожу...

В конце концов, инцидент произошел под его присмотром, да еще и на территории школы. Хорошо, что отцом оказался Бай Сун. Попадись ему какой-нибудь скандальный родитель, пришлось бы на коленях ползать, чтобы уладить дело.

Бай Сун, внимательно осмотрев сына, понял, что рана выглядит пугающе только из-за близости

к глазу, и успокоился. Потрепав Бо Цина по голове, он отправил его играть.

— Ничего страшного, у детей вечно какие-то стычки, да и ничего серьезного не случилось. Не бери в голову, мальчишкам полезно иметь шрамы, так они быстрее вырастут.

Юнь Цюцзэ вздохнул:

— Как ни крути, это моя вина.

Бай Сун, глядя на его озабоченное лицо, даже развеселился. Он потянул его за собой, присаживаясь рядом, и не забыл прикрикнуть на Бо Цина:

— Бо Цин! Сколько раз тебе повторять, не бегай повсюду! Еще раз побежишь — получишь от меня!

— И что мне теперь делать? Может, мне тоже полоснуть себя по веку, чтобы мы были квиты? — спросил Юнь Цюцзэ.

— С какой стати? Это ведь не я сделал, почему я должен портить себе лицо? — возмутился он в ответ на предложение Бай Суна.

— Вот именно! Раз не ты, то зачем ты передо мной извиняешься? Кстати, а где тот маленький виновник торжества? — Бай Сун вспомнил, что раз дети играли вместе, то Бо Цин не мог быть один. Хотя его это не сильно волновало, но извинения между детьми были необходимы. Раз уж дело дошло до больницы, отсутствие другой стороны выглядело бы крайне некрасиво.

— О, я сначала привез Бо Цина, а родителям того ребенка уже позвонил. Они сказали, что заберут его из школы и сразу приедут. — Юнь Цюцзэ достал из сумки плитку шоколада и протянул Бай Суну. — Держи, подкрепись. Ты весь в поту, как можно в такую жару так плотно одеваться? Неужели не душно?

Хотя наступила осень, жара стояла невыносимая. Погода была душной, а в преддверии праздника Середины осени становилось только тяжелее. Но Бай Сун каждый раз выглядел с иголки, что смотрелось невероятно жарко.

Бай Сун увидел, что Бо Цин в углу строит глазки симпатичной медсестре, сунул шоколад в рот и вытер лоб рукавом:

— Я бы и сам не хотел так одеваться! Но работа обязывает, иначе штрафуют. Знаешь, сколько стоят нынешние дети? Того, что я зарабатываю за месяц, едва хватает на его прихоти.

Юнь Цюцзэ заметил:

— Знаешь, зачем на рукавах пуговицы? Чтобы такие неряхи, как ты, не вытирали ими нос и пот. Но ты, я вижу, даже с пуговицами умудряешься тереться лицом об одежду.

Бо Цин, услышав, что речь зашла о нем, подскочил:

— Папа — неряха!

— Эй! Кто бы говорил? Это из-за тебя я такой неряха! Жить надоело? — Бай Сун хотел дать ему подзатыльник, но, увидев повязку на глазу, не решился и лишь ткнул пальцем в лоб.

— Я ведь дарил тебе платок! Ты сам его не носишь! — Бо Цин был прав: на День отца он подарил отцу платок, на котором нарисовал мелкими кучу человечков. Мальчик искренне не понимал, почему мелки мешают пользоваться платком — в садике ведь на всех платках есть рисунки, чем его хуже?

Бай Сун щелкнул его по лбу:

— Иди отсюда, глаза б мои тебя не видели. Ну почему ты такой несносный?

Бо Цин, желая доказать, что он вовсе не несносный, затараторил без умолку. Бай Сун уже изнемогал от шума, когда, к счастью, приехали родители того самого ребенка, спасшие его уши от дальнейших мучений.

Родители оказались вполне разумными людьми. Понимая, что их ребенок виноват, они чувствовали себя неловко, купили по дороге кучу сладостей и витаминов для Бо Цина, а также полностью оплатили медицинские расходы. Они заставили своего ребенка извиниться перед Бай Суном, отчего тот даже смутился.

Небольшой инцидент разрешился мирно, без лишних драм. Юнь Цюцзэ подумал, что если бы все родители были такими адекватными, его жизнь стала бы намного проще.

Когда они вышли из больницы, Бо Цин снова начал капризничать. Он уцепился за руку Юнь Цюцзэ и потребовал, чтобы тот поехал к ним в гости:

— Учитель, учитель, пойдете к нам играть!

— Учителю нужно вернуться в школу, другие дети еще не разошлись. Будь послушным, как-нибудь в другой раз.

— Когда это «в другой раз»? Вы, взрослые, вечно так говорите, а потом оказывается, что времени нет! Не хочу, не хочу! Учитель, пойдете сегодня!

Бай Сун потрепал его по волосам:

— У учителя дела. Не будь таким упрямым.

Бо Цин надулся:

— Учитель, ну пойдемте. Если вы не пойдете, папа снова будет готовить ужин, а он готовит так отвратительно, это просто издевательство над ребенком.

Юнь Цюцзэ рассмеялся:

— Так ты зовешь учителя только ради того, чтобы вкусно поесть?

— Ну... — Бо Цин хотел было сказать, что еще собирался спросить, не станет ли Юнь Цюцзэ его мамой, но, поймав взгляд Бай Суна, не решился сказать правду.

— Что «ну»? Если учитель опоздает, ты будешь выплачивать ему штраф? Марш в машину, домой! Радуйся, что я вообще что-то готовлю! Не нравится — готовь сам! — кулинарная беспомощность была вечной болью Бай Суна. Он следовал рецептам до грамма, но вкус всегда был ужасным. Иногда, отчаявшись, он утешал себя тем, что рецепты написаны неверно.

— Папа, у тебя же есть деньги, нанял бы учителя, чтобы он не ходил на работу и целыми днями играл со мной, — Бо Цин вцепился в край пиджака Юнь Цюцзэ, его пухлое личико покраснело от усердия.

Бай Сун схватил его за шиворот и приподнял:

— Что ты несешь? Если мне кто-то нравится, я должен сразу тащить его домой? Думаешь, я председатель государства?

— Мне никто другой не нужен! Я хочу учителя, хочу, чтобы он был моей мамой! — Бо Цин отчаянно замахал руками и ногами, привлекая внимание прохожих.

У Бай Суна на лбу вздулась вена. Этот сорванец не давал ему покоя ни дня. Он ведь уже объяснял, что мужчина не может быть мамой, почему ребенок до сих пор не понял?

— Бо Цин, даю тебе минуту, чтобы ты замолчал.

— Уа-а-а! Мой глаз болит! Папа издевается над ребенком! Папа обижает меня! — Бо Цин, пользуясь своей травмой, чувствовал себя безнаказанным. Бай Сун был уверен, что если бы сын стоял на земле, то уже всю катался бы по асфальту.

Этот ребенок когда-нибудь сведет его в могилу.

Юнь Цюцзэ поспешно забрал Бо Цина из рук отца:

— Ладно, ладно, учитель обещает прийти к вам вечером и приготовить что-нибудь вкусное, хорошо? Не плачь, иди с папой домой.

Добившись своего, Бо Цин тут же запрыгнул в машину. В чем он действительно преуспел, так это в умении вовремя остановиться, прежде чем терпение Бай Суна лопнет окончательно, оставляя того с чувством внутреннего поражения.

Бай Сун, потирая виски от досады, извинился перед Юнь Цюцзэ:

— Прости, он совсем не слушается. Придется тебе еще раз ехать к нам вечером.

— Никаких проблем. Все равно дел нет, заодно и поужинаю у вас.

<http://bllate.org/book/19777/1948640>